

Изменения в национальном (этническом) самосознании (идентичности) народов порубежья (фронттира) в процессе создания российских центральноазиатских владений в XIX в.

А.В. Постников

Подъем национализма после окончания *холодной войны* и рост движений, основанных на возрождении конфликтующих религиозных течений, вызвали значительное усиление интереса исследователей к изучению проблем образования наций и национального самосознания, а так же — к выявлению причин и возможных последствий этих процессов в современном бурно изменяющемся мире. Среди наиболее значительных исследований такой направленности выделяются¹ труды Эрнста Гельнера, Бенедикта Андерсона, Мирослава Хроча и Е. Дж. Хобсбаума². После распада СССР и образования СНГ, в независимых государствах, сформировавшихся на территории бывших союзных республик Средней Азии, начались сложные процессы создания национальных государств, вызывающие значительный интерес к проблемам истории формирования национального самосознания тюркоязычных мусульман, составляющих большинство населения этих стран а также — влиянию колониального роста Российской империи на представления об *идентичности* русских. За последнее десятилетие двадцатого века был выпущен и переиздан целый ряд работ, посвященных этим актуальным проблемам. В качестве отдельных примеров могут названы публикации Э. Б. Пакской, Даниэля Ранкур-Лаферье, князя Николая Сергеевича Трубецкого (с предисловием Вячеслава Иванова), Ширина Акинера, Роберта Чадуэлла

Уильямса, Эвы М. Томпсон, Кати Е. Хокансон, а также сборники исследований, посвященные *русскости*, и российским подданным империи, нации и культуре периода *Золотого Века*³. В подавляющем большинстве таких публикаций основной акцент делается на анализе процессов становления имперского самосознания русских в русле построения картины исторической предначертанности распространения российских владений в Центральной Азии для выполнения *высокой миссии* западного просвещения *нецивилизованных* мусульманских народов этих, практически неизвестных в Европе регионов. Много внимания уделяется также искусственно насаждавшемуся в советское время разделению культурного наследия этих народов для отрицания единого тюркоидного начала и значения Ислама, как цивилизационной детерминанты в их развитии. В настоящем исследовании автор рассматривает несколько более узкий аспект проблемы, а именно — изменения национального самосознания в процессе непосредственного контакта и последующего совместного сосуществования русских и колонизируемых ими народов Центральной Азии. Следует подчеркнуть, что мы имеем ввиду не то самосознание, которое выражалось в суждениях представителей элит соответствующих народов, а более *приземленные* представления о принадлежности к тому или иному народу и культуре непосредственных участников колонизации (казаков, торговцев, русских переселенцев, миссионеров и т. д.) и включенных в многонациональный состав империи центральноазиатских народов. Русские шли в Центральную Азию с изначальным сознанием своего *превосходства* над *дикими* народами, населявшими этот регион с древних времен. Воспоминания участников военных и исследовательских экспедиций полны рассуждений на эту тему, порожденных совершенно определенным, если можно так выразится, колониальным менталитетом российских офицеров и солдат, осуществлявших расширение территориальных владений империи. Ярким примером декларации подобного рода является приказ по войскам Оренбургского корпуса, который издал генерал-губернатор Оренбургского края, генерал-адъютант Василий Алексеевич Перовский, лично командовавший закон-

чившейся полной неудачей и громадными потерями зимней экспедицией 1839 года против Хивинского ханства: По Высочайшему Государя Императора повелению, я иду с частью вверенных мне войск на Хиву. Долго уже Хива искушала долготерпение сильной и великодушной державы и заслужила наконец вероломными, неприязненными поступками своими грозу, которую сама на себя накликала. Честь и слава всем, кому Бог привел идти по повелению Государя, на выручку братьев, томящихся в неволе. Товарищи! нас ожидают стужа и бураны и все неизбежные трудности дальнего, степного и зимнего похода; но забота о всем необходимом, по возможности, предупредили крайности и недостатки, а рвение ваше, усердие и мужество довершат успех и победу. Войска Оренбургского корпуса в первый раз выступают в значительном составе против неприятеля; Россия в первый раз карает Хиву, эту дерзкую и вероломную соседку. Через два месяца, даст Бог будем в Хиве, и в первый раз в столице ханства пред крестом и Евангелием Русские будут приносить теплые и громкие молитвы за Царя и отечество. Обращаюсь к той части войск, которая останется для охранения Оренбургского пограничного края и родины своей. Вам не судило счастье делить с нами труды и опасности; но вы не менее того заслужите добрую славу и милостивое внимание Государя Императора: всякий чин малый и великий, простившись с ушедшими в поход товарищами, будет свято помнить долг и присягу, будет нести службу за себя и за походных, и, в свое время, радостным братским приветствием, встретит возвратившихся из дальнего и трудного странствия сослуживцев своих⁴. В цитированном приказе четко изложена идеология российского колониализма в Центральной Азии и противопоставлена *долготерпеливая, сильная и великодушная* православная Россия *дерзкой и вероломной соседке* мусульманской Хиве, содержащей в неволе братьев-христиан. Не смотря на трагический исход экспедиции, все последующие действия российских властей практически осуществлялись под флагом идеологии, провозглашенной ее начальником. В качестве более позднего примера выражения *российского колониального менталитета* можно привести сле-

дующую характеристику туркмен Прикаспия и рекомендации по образу действий российских властей для их *умиротворения* начальником Экспедиции, снаряженной для обозрения восточного берега Каспийского моря в 1859 году, обер-квартирмейстером отдельного Оренбургского корпуса, полковником генерального штаба В. Д. Данвилем: Не признавая никакой власти и не теснимые ни откуда, эти дикари не внимают никаким убеждениям и вполне предаются страсти своей к грабёжам и воровству. Каждый Туркменин побогаче и побойчее называет себя ханом, и уже никого знать не хочет. При этом Туркмены не чужды хитрости: вне влияния страха, они способны все без исключения, на самое дерзкое коварство и измену. Если правительство желает иметь влияние на Туркмен, для каких бы то ни было целей, то можно держать их в повиновении постоянным страхом наказания за малейшую дерзость. При этом конечно одна решительная мера, предпринятая с достаточными средствами, будет действительнее, нежели отдельные наказания, попытки с малыми силами, в разных местах и с недостаточными средствами. Гнездо туркменских мошенников — Атрек; тут же сосредоточены все средства к их существованию: самые обильные пашни находятся на Атреке, Балханские горы дают также притон нескольким аулам хищников, живущих грабежом⁵. Следует заметить, что при всей резкости и необъективности приведенных суждений одна бесспорная особенность центральноазиатских ханств и кочевников в них отмечена вполне справедливо. Мы имеем ввиду многовековую практику рабовладения и работорговли, существовавшую в этих районах. Формирование российского фронта здесь вполне естественно привело к тому, что в числе захваченных при разных обстоятельствах рабов оказывались русские солдаты, казаки и поселенцы. Некоторая часть этих пленников оставалась на долгие годы во власти центральноазиатских правителей, причем многие из них ценились как солдаты и использовались в войсках. Русские пленники изучали местные языки, создавали семьи, принимали иногда мусульманство и, практически полностью включались в иную этническую среду. По мере расширения российских владений такие пленни-

ки нередко возвращались на родину, создавая слой русского населения приграничья с существенно измененным национальным самосознанием. Количество, возвращаемых из неволи пленных иногда было весьма значительным, так, например, только в 1840 году из Хивы было отпущено около 500 русских⁶. Естественно, что в среде освобожденных пленных, несмотря на возвращение, как правило к христианству, не могло не проявляться влияние долгих лет жизни в иной культурно-этнической и языковой среде⁷. Присутствие этих *перемещенных лиц* в населении российского центральноазиатского фронта создавало определенные предпосылки для облегчения формирования смешенного населения. К концу 18 — началу 19 века, наиболее многочисленным кочевым народом Центральной Азии были казахи. Кочевники-животноводы с патриархальным обществом, они занимали территории от степных районов Сибири до Сыр-дарьи на юге. Казахи являясь тюркским народом с примесью монголоидной крови. Их предки принадлежали к тем многим тюркским племенам, которые были завоеваны ордами Чингиз-Хана, а впоследствии составили значительную часть этих полчищ, продвигавшихся далее на запад. После развала монгольской империи в 15 веке, степные кочевники, входившие в ее состав, образовали новые объединения и получили с того времени общее название казахов, что в тюркских языках означало *беженцы* или *разбойники*. В России они долгое время назывались киргизами, которые на самом деле принадлежали к другой группе кочевых народов, о чем уже в 1827 году А. И. Левшин (1799—1879), писал в статье в Об имени киргиз-казахского народа и отличии его от подлинных или диких киргизовс (<<Московский вестник>>, часть IV, 16), где он доказывал неправомерность употребления и дальнейшего сохранения за ними этнонима *киргизы*⁸. Такое неправильное этническое наименование изначально произошло из-за стремления русских избежать путаницы в названиях, в связи с тем, что казаками именовались люди, преимущественно славянского происхождения, селившиеся в российском южном приграничье и в Сибири, начиная приблизительно с 15 столетия. Оба термина — казак и казах — имеют в своей основе одно

и тоже тюркское слово, и в дореволюционной России они даже писались одинаково. Для избежания дальнейшей путаницы, с 1920-х годов народы, называвшиеся ранее неправильно киргизами, обрели свое истинное этническое имя, с несколько измененным произношением и написанием, т. е. казаки стали называться казахами, а слово казаки стало применяться лишь как название особой группы приграничного славянского населения в Центральной Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. Практическое совпадение значений этнического названия казахи и регионального наименования первоначально беглых славян — казаки представляется нам отражением вполне реального положения периферийных географических мест этих двух групп населения, одинаково отдаленных от тех, весьма различных по этническому составу и происхождению групп стран и народов, которые изначально включали тех и других. Периферийность (*фронтирность*) положения казаков и казахов не могла не влиять, на особенности их восприятия своего места среди других народов, т. е. — на особенности национального самосознания, в определенной мере сближая эти представления. Волею судеб именно казаки и казахи стали теми группами населения будущего Российского Туркестана, которые первыми вступили в контакт в процессе первоначально стихийного продвижения казаков на территории казахских кочевков еще в 18 веке. Длительное (иногда конфликтное) сосуществование казаков и казахов не могло не повлиять на формирование их *идентичности* в колониальный период. С развитием российской колонизации Казахстана и Средней Азии в 19 веке относительная *однородность* вольного казакского населения стала сильно меняться в связи с политикой целенаправленного переселения сибирских казаков и крестьян из центральных областей России в Центральную Азию. Американский путешественник и журналист Евгений Шилер, побывавший в этих краях в 1875–1876 гг., следующим образом описывает особенности российской колонизации казахских и киргизских земель. Российские колонии в наибольшей степени располагаются вдоль северного отрога Александровских гор [северная часть Тянь-Шаня — *А. В.*], в окрестностях Токмака, на северном и восточном

берегах озера Иссык-Куль, вдоль шоссе, ведущей из Верного в Сергиополь. Сырдарьинская и Зеравшанская провинции еще не открыты для колонизации, главным образом потому, что там еще не были урегулированы вопросы землевладения. По пути я проезжал через многие из этих колоний, останавливаясь в некоторых из них и вступая в разговоры с фермерами, которые в большей части были крестьяне из Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерний. Они казались вполне довольными своей судьбой; и действительно, что касается по крайней мере их физического благополучия и избавления от налогов, они стали значительно более зажиточными, чем были в Европейской России. Земли им распределялись либо бесплатно, либо по низкой цене и с большой рассрочкой платежей, и они освобождены от всех налогов и поборов на ряд лет. Они предприняли переселение на собственный риск, обычно используя собственных лошадей или быков. Плодородие почвы и личная независимость, возможная на этом удаленном приграничье, все более и более привлекают иммигрантов, и в прошедшие два или три года численность колонистов значительно возросла... Важно различать русские колонии и казацкие поселения. Первое было добровольным, но последнее — принудительным [здесь американский путешественник имеет в виду поселения казаков, непосредственно вслед за завоеванием центральноазиатских владений, а не стихийную колонизацию 18 века — *А. П.*]. Как только этот район был аннексирован [власти] посчитали необходимым засеять его казацкими станицами, для того чтобы создать население способное обрабатывать землю и, в тоже время, имеющее силы охранять ее от киргизов и кокандцев. Для того, чтобы обеспечить эту потребность, были выделены по определенной квоте казаки из Уральского, Оренбургского и Сибирского войска, из которых была сформирована новая линия вдоль Иртыша, часть которой впоследствии стала известна как Семипалатинские казаки. В добавок к этим *настоящим* казакам, из различных мест России были мобилизованы и посланы на фронт крестьяне, которым были выданы строительный и сельскохозяйственный инвентарь для постройки домов и обработки земель, их снабди-

ли также оружием и сказали, что они находятся на правительственной службе и должны считать себя казаками. Такие новобранцы составляют большинство Семиреченского казачьего войска. Не имея тех традиций, которыми гордятся донские и уральские казаки, они не обладают также подобным боевым духом и с трудом поддерживают свою организацию; фактически сибирские казаки рассматриваются как наихудшие из казацких войск на службе в Центральной Азии. Проезжая их поселения было заметно, что они казались значительно менее независимыми, чем обыкновенные русские крестьяне и что они ведут более праздную и бесполезную жизнь, предаваясь либо охоте, либо удовольствиям трактиров, в то время как их жены должны были заботиться о семейном достоянии. С другой стороны, они умудрились сохранить свойственный им *шик*, который иногда проявляется в курьезных формах. Например, вдоль всего Иртыша казаки казалось считали, что очень достойная вещь говорить по-татарски, таким же образом, как представители благородного общества в Санкт-Петербурге и Москве на публике предпочитают говорить по-французски. Поэтому иногда было занятно слушать, как они отвечали на наши вопросы на хорошем русском языке, а затем начинали беседовать друг с другом по-татарски⁹. Представляется, что отмеченное американским путешественником умение и желание казаков говорить по-татарски свидетельствует о их долгой фронтальной жизни и значительном изменении в национальном самосознании этих солдат-хлебопашцев, глубоко *включенных* в языковую среду окружающих их таких же как татары тюркоязычных народов и представляющих эту среду вполне естественной. Следует заметить, что, скорее всего, Евгений Шилер в случае со свободно говорящими по-татарски казаками встретил не недавних переселенцев из Сибири, а потомков тех сибирских казаков, которые осуществляли стихийную колонизацию казахских земель еще в 18 веке. Наши архивные исследования показывают, что изменения в *идентичности* были обоюдными, причем процессы христианизации отнюдь не играли в них той значительной роли, которую им склонны придавать некоторые современные исследователи (в частности Н. В. Paksoy в

его безусловно выдающемся исследовании, сопровождающем научную публикацию памятника тюркского эпоса Алпамыш). Следует заметить, что влияние ислама, перед приходом русских было весьма различным среди разных народов Центральной Азии: оно было большим среди оседлых земледельцев (узбеков и туркмен), чем среди кочевников-животноводов (казахов, киргизов и части таджиков). Говоря о миссионерской деятельности, следует иметь в виду, что по крайней мере до начала XX века, по существовавшим тогда строгим правилам Синода русской православной церкви, миссионерам запрещалось проводить христианизацию среди населения, считавшегося исповедующим христианство в любой форме, ислам, буддизм или иудаизм, т. е. — одну из мировых религий. В их задачи входила борьба со староверами и обращение в христианство язычников (главным образом племен Сибири и Алтая). Для укрепления своей власти в Туркестане русские использовали ту религию, которую считали господствующей в Центральной Азии, т. е. — ислам. Причем активные меры колониального начальства по введению во всех частях своих новых владений единообразного мусульманства путем насаждения повсеместно медресе и мечетей под началом проповедников и учителей из Казани, привело к значительному усилению ислама среди тех народов (главным образом казахов и киргизов), где он до того исповедовался весьма условно и поверхностно. Этот факт весьма обеспокоил российские власти в Туркестане в начале XX века, когда, по свидетельству обнаруженного нами в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) секретного циркуляра Синода (1909 года), в Казахстан и Среднюю Азию стали активно проникать мусульманские проповедники с Ближнего Востока, несущие с собой идеи панисламизма, несомненно представлявшие угрозу для власти России в Туркестане. Одним из результатов насаждения *правоверного* мусульманства в Центральной Азии безусловно явилось усиление *исламской компоненты* в национальном самосознании народов Центральной Азии. Для российских колоний здесь такое развитие событий представлялось опасным не только из-за общего усиления панисла-

мизма, но и по вполне очевидной региональной угрозе, возникавшей в связи с тем, что после установления государственной границы с Китаем (в 1865–1884 гг.) пограничная провинция Цинской империи Синьцзян, населенная этнически близкими туркестанским народами, исповедовавшими ислам, была постоянной угрозой в связи с многочисленными восстаниями этих народов, принимавшими всегда форму национально-религиозных движений. В результате подавления этих восстаний маньчжурами, в Туркестан поступало большое количество беженцев, которые, как не без основания полагали туркестанские власти, способны были еще более усилить воинствующий ислам в российских владениях. Пришлое население из Синьцзяна (таранчи, дунгане и др.) бесспорно влияло на формирование *идентичности* народов российско-туркестанского порубежья, которое превратилось в исключительно многонациональный регион с весьма пестрыми культурно-историческими традициями. С самого начала расширения российских колониальных владений в Центральной Азии, перед руководством новых обширных колоний встал вопрос о наиболее разумном характере управления покоренными народами. Следует заметить, что сами военачальники, осуществлявшие (часто для воплощения в жизнь своих честолюбивых планов) завоевание, следовали при установлении местной администрации давним традициям российского колониализма, основой которых было сохранение в более или менее неизменном виде существовавших на присоединенных землях местных властей, форм управления и религий. В Центральной Азии, при формировании новой линии для заполнения разрыва в системе обороны между Фортom Перовского и Верным, полковник, а впоследствии генерал Черняев впервые применил эти традиции и проявив значительный здравый смысл, управлял вновь присоединенной территорией с насколько возможно небольшими изменениями местных обычаев и закона, посредством официальных представителей местного населения¹⁰. Российское центральное руководство, со своей стороны, создало специальную комиссию состоявшую из товарища министра финансов А. К. Гирса (1815–1880) и полковников Дандевилля, Гейнса и Проценко для

того, чтобы изучить особенности и потребности резко различавшегося по обычаям сельского кочевого и городского оседлого населения недавно присоединенных территорий. Члены этой комиссии в течение двух лет путешествовали по стране и выявляли желания и интересы населения. Эта комиссия, получившая известность под названием Степной комиссии, провела весьма полезную работу и к весне 1867 года подготовила доклад о своей работе и проект усовершенствования управления новыми колониями, который был представлен на обсуждение комитета, включавшего представителей военного министерства, министерства внутренних дел и министерства иностранных дел под председательством военного министра. Комитет принял проект Степной комиссии с небольшими изменениями и решением о проведении его в жизнь в течение трех лет; в действительности основные положения этого проекта с некоторыми изменениями и дополнениями действовали вплоть до 1917 года. Наиболее важным из изменений, внесенных комитетом, было отделение Туркестана от провинции, управлявшейся генерал-губернатором Оренбурга и прибавление к ней части Сибирской провинции Семипалатинска, известной под названием Семиречье, и установление в этом новом административном районе управления генерал-губернатора, подчиненного непосредственно императору. Основные положения этого проекта заключались в следующем. Генерал-губернатор Туркестана назначался непосредственно императором и обладал в основном теми же полномочиями, которыми обладали генерал-губернаторы в других частях империи, с теми исключениями (усиливавшими власть этого высшего регионального администратора), которые были специально оговорены в проекте. Помимо этих исключений, в случае необходимости он имел право вообще на время прекращать действие основных положений по администрации края, или делать из них исключения. В то же время он являлся главнокомандующим войсками края и обладал полными полномочиями для ведения официальных дипломатических сношений с соседними странами. Под его началом находилось две области Сырдарьинская и Семиреченская, управлявшиеся военными губернаторами, на-

значавшимися по представлению Военного министерства и имевшими в целом те же права и обязанности, что и губернаторы в других частях империи. Военный губернатор Семиречья одновременно являлся Атаманом Семиреченского казачьего войска. В вопросах администрации военным губернаторам помогали Областные Правления, состав которых формировался самими губернаторами. Следует заметить, что в процессе деятельности Степной комиссии, местные православные власти попытались усилить миссионерскую деятельность среди центральноазиатских народов и, особенно среди тех многочисленных мусульман, которые в период дунганского восстания перебрались в российские пределы. В 1865–1867 годах Томский епископат активно переписывался с Синодом Русской Православной церкви по этому поводу. В частности, 9 октября 1867 года епископ Томский и Семипалатинский Алексей писал следующее: Из числа бумаг, оставшихся после кончины предместника моего поступило ко мне в минувшем Августе месяце отношение от 25 июля 1865 года за э 20-м Господина Председателя Комиссии, командированной по Высочайшему Повелению для изучения начал будущего устройства управления Киргизскими степями. Комиссия сия между прочим обязана была обратить особое внимание и на меры, долженствующие приостановить дальнейшее усиление Ислама и усилить распространение христианской веры в той стране, не возбуждая тем волнения и неудовольствия в мусульманском населении. Меры эти, однако, приняты не были, главным образом потому, что при учреждении в Томской Епархии Алтайской церковной миссии для обращение в христианство инородцев Бийского округа, изъявлено было от Генерал Губернатора Западной Сибири Вельяминова несогласие на проповедание Евангелия между киргизами [казахами] обитающими в степи. В настоящее время, вопреки мнению Генерал Губернатора Вельяминова, я нахожу тем более возможным и благотворным делом отправить в киргизские степи Семипалатинской области миссионеров для обращения мусульман в христианство, что в прошедшем году несколько тысяч их изъявили желание креститься, как лично объявил мне в бытность мою в Семипа-

латинске губернатор сей области Генерал Майор Колпаковский¹¹. Конечно сообщение Колпаковского о желании нескольких тысяч казахов быть обращенными в христианскую веру является наверняка сильным преувеличением, однако желание некоторой части дунганей и таранчей, перебравшихся из Синьцзяна, быть крещенными для того, чтобы избежать будущей депортации в Китай вполне реально и объяснимо. Прямым свидетельством такой мотивации является сообщение генерала Хрущева о том, что несколько тысяч инородцев Семипалатинской области, пожелавшие принять Православие, принадлежали к китайским эмигрантам, перешедшими в наши пределы во время Дунганского восстания¹². Как бы то ни было, ходатайство епископа было удовлетворено, и Священный Синод разрешил учредить в крае миссионерский стан во главе со Стефаном Ландышевым, под началом которого находилось два священника со знанием местных языков¹³. Миссия эта, однако, не была установлена из-за отсутствия средств, но, как сообщает сам епископ: Вследствие сего, не рассчитывая на скорое открытие миссии в степях киргизских, ... я предписал священникам, живущим на границе китайской, заботиться о присоединении к Православной Церкви и крещении калмыков и киргиз, не ожидая особого моего на то разрешения, испрошение коего, по дальности расстояния от Томска мест пребывания населения и священников могло бы только повредить делу; между тем счел нужным и сам видеть пограничные с Китаем места для чего, обзрев сперва Барнаульский и Кузнецкий округа, на расстоянии 1056 верст, я отправился в укрепление Верное, отстоящее на 2000 верст от Томска. На пути к сему укреплению пред городом Копалом я встретил тысячи калмыков, возвращающихся по распоряжению китайского и нашего правительства в разоренный Чугучак и другие прежние места их обитания. Предполагая, что наступающая стужа, по крайней нищете и совершенной нагоде многих эмигрантов, заставит их остаться на зиму в пределах России, я лично приказал Благодичному Урфиарской станицы и Священнику города Сергиополя располагать китайцев к принятию Христианской веры, а замечая усиливающуюся пропаганду мусульманских

мулл, священнику Лепсинской станицы, в коей поместилась большая часть эмигрантов, изъявивших желание остаться в пределах России и принять Христианство, лично также подтвердил без замедления учить таковых истинам веры и крестить. Благодарение Богу труды мои и сотрудников моих не остались без успеха: священник Лепсинской станицы Иоанн Покровский, знакомый немного с языком татарским, на коем говорят киргизы и калмыки, обратил в христианство 50 лиц мужского и 35 женского пола, а на возвратном пути из Верного в Копал, 14 лиц мужского и 3 женского крещены мною и бывшим при мне духовенством; всего же просвещено Св. Крещением 102 человека¹⁴... В общей сложности, к концу 1868 года было обращено в христианство 328 человек, т. е. весьма скромное количество, по сравнению с теми тысячами, которые якобы желали креститься. На этом *эксперименты* местного колониального начальства с обращением мусульман в христианство не закончились и, по настоянию Колпаковского, в станице Лепсинской, Токмаке и укреплении Аксуйском были образованы небольшие миссионерские школы для совместного обучения местных жителей и русских. В качестве учителей в эти школы назначены студент Духовной Академии Петр Макушин и студент Семинарии Анемпофист Заводовский, причем протоиерею Ландышеву поручено непосредственно заниматься миссионерской деятельностью¹⁵. После заключения в 1881 году Санкт-Петербургского договора России с Китаем, по которому, в частности, Китайской Империи передавался временно оккупированный Россией Илийский край, вопрос с беженцами, не желавшими возвращения в Синьцзян, приобрел особую остроту, что позволило местным российским церковным властям снова поставить вопрос об усилении миссионерской деятельности среди беженцев и других местных жителей — мусульман и ламаистов. Позиция и предложения по этому вопросу иерархов русской православной церкви в Туркестане очень хорошо видны из следующего письма епископа Александра на имя генерала-губернатора Туркестана, генерал-лейтенанта Герасима Алексеевича Колпаковского: 26 октября 1881 года, г. Верный. Ваше Высокопревосходительство, Милости-

вый Государь! Пользуясь снисходительным позволением Вашего Высокопревосходительства, — для лучшего направления дела, предпринимаемого на пользу церкви, в частных письмах подкрепляя его такими доводами, которые не всегда удобно могут быть помещаемы на листах официальной бумаги, — беру смелость в настоящий раз, во 1-х, покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство о том, чтобы ходатайство мое пред Святейшим Синодом об учреждении на Иссык-Куле миссионерского монастыря, одновременно с этим письмом посылаемое, получило санкцию Священного Собора Иерархов, хотя бы только покамест в принципе, но по-возможности скорую в тех видах, чтобы не потерять нам навсегда единственно во всем крае пригодное для монастыря место, усмотренное мною на Северном берегу Иссык-Куля, в урочище Курмакты. Когда недавно, в конце истекшего лета, Господин И. д. Начальника Края великодушно и искренно выражал готовность всеми от него зависившими мерами содействовать устройству и обеспечению проектируемого мною миссионерского монастыря, успокоительные сведения из Кульджи позволяли надеяться, что выселение в наши пределы Дунган и Таранчинцев ограничится несколькими сотнями семейств. В последнее же время, по мере приближения к нашим границам Китайского Принца крови, назначенного богдыханским правительством для приема Кульджинского района, паника между дунганами и таранчинцами до того увеличилась, что они почти поголовно спешат записаться в переселенческие списки. В начале самой ранней весны будущего года, побережья р. Или и Иссыккульского озера, как ближайšie к китайской границе, имеют быть отмежеваны этим выходцам. Крайне необходимо поэтому, чтобы до наступления этого времени об урочище Курмакты, испрашиваемом под проектируемый миссионерский монастырь, возникла по крайней мере официальная переписка; в противном случае спасти эту прекрасную местность от захвата и избавить ее от слишком близкого соседства с воинственным пришельцами будет весьма трудно даже для самой администрации Края. Вторая моя просьба касается самого существа задумываемого на Иссык-Куле учреждения. В виду настоя-

тельнейших нужд епархии и края, предполагаемый миссионерский монастырь должен выполнять две следующие задачи: а) иметь в своих стенах, по меньшей мере двух-трех лиц священного сана, всегда готовых и способных выполнять обязанности приходского священника и законоучителя школы и, б) чрез собственно так называемых миссионеров, вооруженных знанием, постепенно сближать инородческое население с русскою народностью, подготавливая оное, таким образом, к принятию Христианства. Для выполнения первой задачи готовятся иеромонахи, окончившие курс в Семинарии; для успешного же направления и решения второй — необходимы люди с академическим образованием. Не нахожу в себе достаточной смелости для того, чтобы решительно утверждать пред Вашим Высокопревосходительством — которая из этих задач настоятельнее и важнее? Насколько, с одной стороны, кажется мне опасным — особенно в настоящее смутное время, — оставлять некоторую часть русского населения, на более или менее продолжительное время, без пастырского руководства и надзора; настолько, с другой стороны, видится мне обязательно ясно, что с каждым днем и часом мы теряем благоприятный момент для благотворного воздействия на инородческие массы, еще не охладевшие в своем к нам расположении и доверии. В этих мыслях утверждают меня свежие факты из недавно оконченной поездки по епархии, предпринятой с целью обозрения церковей и приходов Ферганской области и Заравшанского края. Одновременно вспоминаются мне две картины, далеко различающиеся между собою по характеру и колориту, но сходные в том, что, в свое время, в одинаковой мере будили в душе моей горькое чувство сознания бессилия и беспомощности. С одной стороны, православные жители, не одних только глухих поселков, но и уездных городов, удаленные от приходской церкви и священника на сотни верст, со слезами на глазах заявляющие: вумираем без покаяния; новорожденные нами по году остаются некрещенными; покойничков хороним сами, без славы; дети наши вырастают не имея понятия о том, что такое Храм Божий и проч. с — с другой стороны коренные жители Ферганы и Зеравшана, по одному слуху о приезде русского

епископа, в шелковых халатах и пышных чалмах спешащие к нему навстречу, приветствующие его сочувственными умными речами, в каждом кишлаке подносящие ему хлеб-соль, устраивающие иллюминацию в честь его прибытия и всем этим как бы говорящие: останься с нами, научи нас служить верой и правдой Белому Царю, угождать властям, жить между собою в ладах, и проч., и проч.,.. Кому отдать предпочтение? К кому прежде поспешить на помощь? Чьи нужды настоятельнее и неотложнее? — Думается мне, что миссионерский монастырь, устроенный по вышеизложенной мною мысли, мог бы удовлетворить хотя бы в некоторой степени, тех и других. — Посему покорнейше прошу позволения Вашего Высокопревосходительства, — в том случае, если Святейшему Синоду благоугодно будет благославить учреждение на Иссык-Куле миссионеракого монастыря, — проектированный личный состав миссии таким образом: Начальник миссии и его помощник — с академическим образованием, три иеромонаха из окончивших курс семинарии. Что же касается эконома, ризничаго и иерадьякона, то они могут быть и не из ученых. В надежде на милостивое содействие предпринимаемому делу, смею честь пребывать Вашего Высокопревосходительства, Милостивейшего Государя, покорнейший слуга и усердный богомолец, Епископ Александр. 26 Октября 1881 года. г. Верный¹⁶. Предложения епископа Туркестана было в целом одобрено Священным Синодом, но его воплощение в жизнь сильно замедленно отрицательным отношением Миссионерского общества, которое строго придерживалось официальной линии поддержки государством существовавших в Туркестане религий: ислама и ламаизма (буддизма)¹⁷. Однако, несмотря на противодействие Миссионерского общества, Иссыккульский Троицкий миссионерский мужской монастырь Пржевальского уезда Семиреческой области все-таки был открыт и вполне успешно функционировал вплоть до Октябрьской революции¹⁸. Как нередко бывало и ранее в России и ее колониях, принятый четкий порядок администрации, на деле искажался и значительно усложнялся деятельностью коррумпированных чиновников и непониманием местным населением новых административных институтов,

особенно тех из них, которые, как например выборы представителей местной администрации, отсутствовали в национальных традициях управления народов Центральной Азии. В этом отношении весьма убедительны суждения американского путешественника Евгения Шуйлера, который, в частности, подчеркивает следующее:... Безотносительно от того, какие институты русские могут ввести в Центральной Азии, было бы безнадежно ожидать чего либо подобного хорошему управлению, пока либо не изменится тип чиновников, либо они не будут подчинены строгой дисциплине и контролю. Представляется, что для русского администратора невозможно понять такую вещь как законность. Они очень строги в соблюдении форм закона в той их части, которая относится к правилам делопроизводства, заполнения и официального заверения соответствующими подписями документов, но нарушают эти формы сразу же, как только им это покажется более простым и удобным для них самих. Я имею ввиду не только чиновников в Туркестане; многие государственные деятели и политики в Европейской России уделяют большое внимание вопросу о том как добиться того, чтобы администрация действовала в строгих рамках законности. Кажется, что основным принципом утвердившимся в их чиновничьих сердцах, является убеждение, что закон и уважение к закону очень хорошие вещи в обычной повседневной жизни, но как только появляется обстоятельство, которое по мнению чиновника является исключительным, закон для него становится непрактичным, и в этом случае следует применить то, что он называет административным методом. Для тех, кто был воспитан на уважении к закону, эти постоянные выходы за рамки и нарушения законности, представляются едва ли понятными. На центральноазиата, которые конечно не имеет представления о том, что такое российский закон и каким образом он нарушается, произвол чиновника оказывает и подобный, и, в тоже время отличающийся эффект. Этот произвол и административные методы редко одинаковы в двух соседних районах, и местные жители не могут не рассматривать все систему как безответственную тиранию наихудшего сорта¹⁹. Что касается личного отношения русских к представите-

лям завоеванных ими народов Центральной Азии, следующие наблюдения того же американского путешественника представляются весьма показательными: Русские всегда проявляли определенные способности в обращении с полудивилизованными народами. Они лично никогда не относились к туземцам с тем презрением, которое характерно в отношениях представителей англо-саксонской расы с народами низшей культуры и цивилизации. Это совершенно очевидно из того, что они [русские] без колебаний вступают в социальные отношения с ними. Отсутствует то ощущение громадной разницы, которое разделяет, или которое, по мнению некоторых, должно разделять низшую от высшей, или правящей расы, так, что русские офицеры и чиновники не только принимают туземцев в своих домах, но, в действительности встречают их и обращаются с ними, как с равными по социальному положению. Не исключено, что в некоторых случаях это может принижать авторитет российских официальных властей, так как я иногда видел, что туземцы проявляли меньше уважения в отношении русских офицеров в своих делах с ними, чем было бы дозволено при общении русских равного социального статуса. В действительности можно сказать, что представители коренного населения относятся к русским более отчужденно, нежели русские к ним, что объясняется частично скорее религиозным, нежели расовым антагонизмом²⁰... В городах русские предприняли [активные] меры санитарии, построили больницы, а во время эпидемии холеры, хорошо организованные меры массового лечения и изоляции больных привели к великолепным результатам в предотвращении дальнейшего распространения заболевания. Все это местные жители стали [по достоинству] оценивать... Что же касается религии, поведение русских достойно самой высшей похвалы. Никаких ограничений не было наложено на мусульманскую веру и практику, за исключением того, что дервишам было запрещено появляться на улицах, так как они считались возмутителями общественного спокойствия. Не было предпринято никаких попыток к распространению христианства; и, хотя в Ташкенте и в различных гарнизонах действуют церкви, а в крае имеется епископ, генерал

Кауфман быстро покончил со всеми миссионерскими проектами²¹. Здесь, как видно из материалов приведенных, выше американский путешественник прав лишь в той части, которая касалась официальному отношению высших властей к миссионерству. Действительно, присоединение к Российской империи исламских государств Центральной Азии и установление в них нового порядка в той форме, как он понимался российскими властями, требовало от верховного руководства империи и русской православной церкви формирования разумной политики управления странами с давними и весьма отличными от российских культурными и религиозными традициями. Характер этой политики и ее последствия весьма объективно и четко описаны в специальном секретном циркуляре О магометанстве в Киргизской степи и об управлении духовными делами киргизов, который был направлен высшим чинам Правительствующего Синода (всего восемь экземпляров) Военным министерством в 1865 году, вместе с предложениями О распространении христианства в Киргизских степях. Заключая предварительный вариант нашего эссе, посвященного изменениям национального самосознания (идентичности) русских и тех народов с которыми они вступили в контакт и сосуществование в процессе формирования российского центральноазиатского фронта, можно сделать следующие не претендующие на окончательность выводы проведенного исследования. 1. В процессе сначала стихийного, а затем и планомерного расширения российских колониальных владений в Сибири и Центральной Азии стал формироваться особый слой славянского населения приграничья, подавляющее большинство которого первоначально составляли казаки. Характерной особенностью существования этого слоя русских людей являлась, с одной стороны, их *включенность* в окружающую иноэтническую среду и с другой — относительная оторванность от районов формирования и традиционного расселения русского этноса. Оба указанных фактора способствовали сближению казаков с таким же изначально фронтальным народом как казахи и с другими народами Центральной Азии. Степень сближения была настолько тесной, что для некоторых их групп казаков

местные (тюркоязычные) языки стоали языками межнационального общения.

2. Процесс изменения национального самосознания изначально русского населения, участвовавшего в торговле с центральноазиатскими государствами, в исследовательских и колониальных походах в этих регионах, осложнялся тем, что многие из российских купцов и солдатов попадали в длительный плен к мусульманским правителям, особенно Бухары и Хивы. Проведя долгие годы в этих ханатах, русские пленники часто становились солдатами в армиях соответствующих правителей, принимали ислам, женились на представительницах прекрасного пола этих государств и, таким образом, воспринимали многие черты национального самосознания и культуры центральноазиатских народов. После освобождения из плена эти представители изначально русского этноса, как правило возвращались к православию, но знание местных языков, культуры и обычаев народов Центральной Азии создавало в этом, достаточно многочисленном слое русских людей благодатную почву для интеграции в весьма многонациональную и мультикультурную среду региона, облегчая, в известной мере процесс его интеграции в многонациональную Российскую империю.

3. Несмотря на официальную политику российских властей в отношении органичения православной миссионерской деятельности среди населения, нехристианских конфессий, некоторые особенности развития русского центральноазиатского приграничья приводили к тому, что часть мусульманского и буддийского населения (особенно Кульджинского района Синьцзяна в период антикитайского восстания 1865–1876 гг. и последующей передачи края Китаю по условиям Санкт-Петербургского договора 1881 года) добровольно принимали православное христианство, в известной мере исключая себя таким образом из бывшего этнического сообщества и пополняя ряды, если можно так выразиться, *смешанной идентичностью*, также способствовавшей процессу формирования фронтирного населения, сочетающего в себе черты культур и национального самосознания весьма сложного конгломерата народов русского центральноазиатского приграничья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Michael D. Kennedy and Ronald Grigor Suny. *Introduction in Intellectuals and the Articulation of the Nation*. Edited by Ronald Grigor Suny and Michael D. Kennedy. (Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2001): 42-43.

2 Gellner Ernest, *Nations and Nationalism* (Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1983); Anderson, Benedict, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, 2d ed. (London: Verso, 1991); Hroch, Miroslav, *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*, trans. Ben Fowkes (Cambridge: Cambridge University Press, 1985); Hobsbawm E. J., *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990).

3 Н. В. Паксой. *ALPAMYSH: Central Asian Identity under Russian Rule*. (Hartford, CT: Association for the Advancement of Central Asian Research, Monograph Series, 1989); Rancour-Laferriere, Daniel. *Russian nationalism from an interdisciplinary perspective: imagining Russia* (Lewiston, N. Y.: E. Mellen Press, c2000); Trubetskoi, Nikolai Sergeevich, *kniaz, 1890-1938. The legacy of Genghis Khan and other essays on Russia's identity / Nikolai Sergeevich Trubetzkoy*; edited, and with a postscript by Anatoly Liberman; preface by Viacheslav V. Ivanov. (Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1991); Akiner, Shirin. *The formation of Kazakh identity: from tribe to nation-state*. (London: Royal Institute of International Affairs, Russian and CIS Programme; Washington, D. C.: Brookings Institution [distributor], 1995); *Russianness: studies on nation's identity: in honor of Rufus Mathewson, 1918-1978*. (Ann Arbor, MI: Ardis, c1990); Williams, Robert Chadwell. *Russia imagined: art, culture and national identity, 1840-1995*. (New York: P. Lang, c1997); *Russian subjects: empire, nation, and the culture of the Golden Age*, edited by Monika Greenleaf and Stephen Moeller-Sally. (Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1998); Ewa M. Thompson. *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism* (Westport, CT: Greenwood Press, 2000); Hokanson, Katya E. *Empire of the imagination: Orientalism and the construction of Russian national identity in Pushkin, Marlinskii, Lermontov, and Tolstoi*. (Stanford University, 1994).

4 Цитата по: Галкин М. Н. *Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому Краю*. (Санктпетербург, 1869): 159.

5 Цитата по: Галкин М. Н. *Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому Краю*. (Санктпетербург, 1869): 131.

6 Галкин М. Н. *Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому Краю*. (Санктпетербург, 1869): 161.

7 О нескольких судьбах таких русских пленников рассказано, в частности в книге М. Н. Галкина: Галкин М. Н. *Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому Краю*. (Санктпетербург, 1869): 236 —

8 Бейсенова А. С. *Исторические основы географических исследований Казахстана*. (Алматы: Казгосинти, 2001): 66-67.

9 Schuyler, Eugene. *Turkestan. Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja by Eugene Schuyler*. Phil. Dr Member of the American Geographical Society and the Imperial Russian Geographical Society, etc.. 2 vol. (New York: Scriber, Armstrong & Co., 1876): 150-152: The Russian colonies are for the most part along the northern range of the Alexandrofsky mountains, in the vicinity of Tokmak, on the northern and eastern shore of Lake Issyk Kul, or on the high road leading from Vierny to Sergiopol. The provinces of Syr Darya and the Zarafshan have not yet been opened to colonisation, owing, in part, to the fact that the land question has never yet been settled. I passed through many of these colonies on the road, and I stopped at some of them and entered into conversation with the farmers, by far the greater number of whom were peasants from the provinces of Voronezh, Tambof, and Saratof. They seemed quite satisfied with their lot; indeed, so far as mere physical well-being and immunity from taxes is concerned, they are better off than they were in the European Russia. They are given their lands either gratis or at a low price, the payments extending over a long period, and they are freed from taxes and duties for a term of years. They make the journey at their own risk, and usually with their own horses and oxen. The fertility of the soil and the personal independence possible on this remote frontier more and more attract immigration, and during the last two or three years the number of colonists has considerably increased... It is important to distinguish between the Russian colonies and the Cossack settlements. The former colonisation was voluntary, but the latter was forced. As soon as this region was annexed it was considered necessary to plant it with Cossack stations, in order that there might be a population capable of cultivating the soil, and able, at the same time, to keep off the Kirghiz and the Khokandians. In order to supply this want, a certain quota was taken from the various armies of the Ural, Orenburg, and Siberia, who were formed into what the new line along Irtysh, a portion of whom were subsequently known as the Cossacks of Semipalatinsk. In addition to these real Cossacks, peasants were drafted from various localities in Russia and sent to the frontier, given tools with which to build houses and cultivate the land, provided with arms, and told that they were in the service of the government, and were to regard themselves as Cossacks. These for the most part constituted the Cossack army of Semiretch. Having none of the traditions of which the Cossacks of the Don and Ural are proud, they have not the same military spirit, and with difficulty keep their organisation; the Siberian Cossacks are, in fact, considered the worst of all the Cossack troops in the service in Central Asia. In passing through their settlements it was noticeable that they seemed far less independent than

ordinary Russian peasants, and that they led a lazier and more useless life, devoting themselves either to hunting or to the pleasures of the dram-shop, while their wives were left to look after the family property. At the same time they endeavoured to preserve a certain chic of their own, which occasionally appeared in curious form. For instance, all along the Irtysh the Cossacks seemed to consider that it was the correct thing to speak Tartar, in the same way as persons in good society in St. Petersburg and Moscow prefer to speak in French when in public. It was therefore amusing sometimes to have them answer our questions in good Russian and then talk to one another in Tatar.

10 Schuyler, Eugene. *Turkestan. Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja* by Eugene Schuyler. Phil. Dr Member of the American Geographical Society and the Imperial Russian Geographical Society, etc.. 2 vol. (New York: Scriber, Armstrong & Co., 1876) Vol. 2: p. 203:... General Tchernaief... with a great good-sense administered the newly acquired territory with little change as possible from native usage and native law, and by means of native officials.

11 Российский Государственный исторический архив (РГИА), Фонд 796, опись 1486, э 1209ю 9 октября 1867 г.: По донесению Преосвященного Томского о мерах к обращению Киргизов в Христианство, и об учреждении для сего Миссии. Здесь же об обращении Калмыков в Православие. листы 1-2.

12 РГИА, Фонд 796, опись 1486, э 1209ю 9 октября 1867 г., Лист 20 оборот.

13 РГИА, Фонд 796, опись 1486, э 1209ю 9 октября 1867 г., Лист 7 оборот.

14 РГИА, Фонд 796, опись 1486, э 1209ю 9 октября 1867 г., Листы 9-10.

15 РГИА, Фонд 796, опись 1486, э 1209ю 9 октября 1867 г., Листы 22-23.

16 РГИА, Фонд 796, опись 51, 2 отдел, 3 стол, 1881 г., э 372: По ходатайству Первосвященного Туркестанского об учреждении на Северном берегу озера Иссык-Куля миссионерского монастыря. 17 декабря 1881 г. на 27 листах. Листы 1-2 оборот.

17 РГИА, Фонд 796, опись 51, 2 отдел, 3 стол, 1881 г., э 372: По ходатайству Первосвященного Туркестанского об учреждении на Северном берегу озера Иссык-Куля миссионерского монастыря. 17 декабря 1881 г. на 27 листах. Лист 18 оборот.

18 Шимановский И. С. [Из дневника настоятеля Иссыккульского монастыря]. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов. (Москва: Издательство АН СССР, 1960): 418-420.

19 Schuyler, Eugene. *Turkestan. Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja* by Eugene Schuyler. Phil. Dr Member of the American Geographical Society and the Imperial Russian Geographical Society, etc.. 2 vol. (New York: Scriber, Armstrong & Co., 1876) Vol. 2: p. 245-246:... No matter what institutions the Russians may introduce into Central Asia, it would seem hopeless to expect anything like good government until either the character of the officials is changed or they are submitted to a stricter discipline and inspection. It seems almost impossible for a Russian administrator to conceive of such a thing as legality. They are strict in observing the forms of law so long as they relate merely to modes of procedure and to the filing and signature of papers, but overstep it at once the moment it seems easier or more convenient for them to do so. I am not now referring only to officials in Turkistan; how to confine the administration within the strict limits of legality is a subject which has exercised many statesmen and political students in European Russia. It seems to be a principle firmly implanted in their official breasts that law and respect for law are very good things for ordinary everyday life, but that the moment a circumstance arises, which in opinion of the official most nearly concerned is exceptional, law is no longer practicable, but that what he calls administrative methods must be employed. To those who have been brought up to respect the law this constant overstepping and transgression of legality seems scarcely conceivable. On the Central Asiatic, who of course has no idea of what Russian law is or in what way it is transgressed, the arbitrary action of the officials produces a similar and yet different effect. This arbitrary action and these administrative methods are seldom alike in two adjoining districts, and a native can hardly help regarding the whole system as an irresponsible tyranny of the worst sort.

20 Schuyler, Eugene. *Turkestan. Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja* by Eugene Schuyler. Phil. Dr Member of the American Geographical Society and the Imperial Russian Geographical Society, etc.. 2 vol. (New York: Scriber, Armstrong & Co., 1876) Vol. 2: p. 233: The Russians have always displayed a certain facility in dealing with half-civilised peoples. Personally they have not so much of that contemptuous feeling towards the natives which so marked in the dealings of the Anglo-Saxon race with people of lower culture and civilisation. This is plainly shown from the fact that they do not hesitate to entertain social relations with them. There is not that feeling of the vast difference which separates, or which in the opinion of some should separate, an inferior from a superior and ruling race, so that Russian officers and officials are willing not only to receive natives in their houses but to receive them and meet them upon terms of social equality. It is questionable whether in some cases this does not diminish the authority of Russian officials, for I have sometimes seen natives display less respect towards Russian officers in their dealing with them than would have been permitted to Russians of similar social rank. Indeed, it may be said that the natives hold aloof from the Russians rather than the Russians from the natives, a circumstance in part due to an antagonism of religion rather than to a difference of race.

21 Schuyler, Eugene. *Turkestan. Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja* by Eugene Schuyler. Phil. Dr Member of the American Geographical Society and the Imperial Russian Geographical Society, etc.. 2 vol. (New York: Scriber, Armstrong & Co., 1876) Vol. 2: p. 235:... Sanitary measures in the cities have been taken by the Russians, hospitals have been established, and during the cholera time a well organised method of visitation attended with excellent results was arranged for the purpose of preventing the spreading of the disease. These things the natives begin to appreciate... As far as religion is concerned the conduct of the Russians is

deserving of the highest praise. No restrictions have been placed on Mohammedan worship or practice except that the Dervoshes have generally been forbidden to appear in the streets, being considered disturbers of the public peace. No efforts have been made to spread Christianity; and although churches exist in Tashkent and in various garrisons, and there is a bishop of the province, General Kaufmann has speedily put down all missionary projects. 288 Российский государственный исторический архив, Фонд 796, опись 148. э 1209: Листы 25- 31 оборот (с небольшими сокращениями): *Секретно*. О магометанстве в Киргизской степи и об управлении духовными делами киргизов Когда киргизы поступили, в прошлом столетии, в подданство России, они были мусульманами только номинально: у них не было, на всем обширном пространстве их степей, ни одной мечети; не было своего духовенства; большинство народа не знало догматов своей веры и только высший класс: султаны, ходжи и некоторые родоначальники исповедывали ислам более сознательно. Вся связь киргизов с другим мусульманским миром ограничивалась тогда сношениями с средне-азиатскими ханствами, откуда торговцы, а иногда и духовные лица, ходжи, проникая в степь, поддерживали в киргизах некоторое понятие о мусульманской вере. С другими своими соседями, на севере, с татарами, киргизы были недружны, а с башкирами — в положительной вражде. В начале нашего владычества в степи, политические интересы требовали утверждения к киргизском народу и во всей Средней Азии убеждения в неприкосновенности их веры. Эта причина, вместе с желанием привлечь на свою сторону ханов, султанов и вообще влиятельных людей степи, привела к тому, что на первых же порах правительство наше не только оказывало исламу полную терпимость, но даже и некоторое покровительство. Императрица Екатерина II неоднократно повелениями подтверждала пограничным начальникам Оренбургского края озаботиться постройкой мечетей, заведением школ и назначением киргизам мулл. *Построение там [в степи] городов, тако же, где прилично, для главнейших родов мечетей, школ и гостинных дворов весьма полезны и нужны* писала Императрица Барону Игельстрему. На этот предмет в 1782 году ассигнована была даже особая сумма. А дабы киргизы не посылали детей своих к Бухарцам для обучению магометанскому закону, предписывалось внушать, что нужные им муллы могут быть присланы из России. *Снабдение разных родов киргизских муллами не малую пользу в делах наших принести может, почему вы и постарайтесь определить оных, истребовав из казанских татар людей надежных*. В таком духе давались предписания и Начальнику Сибирской пограничной линии. Результатом всего этого было появление двух мечетей, выстроенных на счет казны: одной в Оренбурге, другой в Сибири у Иртыша, между гг. Павлодаром и Семипалатинском. 288С этого же времени началось влияние казанских татар на киргизов в религиозном отношении. По мере того, как умиротворялась степь, усиливались торговые сношения киргизов с соседними частями России и Среднеазиатскими ханствами, усиливалась вместе с тем мусульманская пропаганда в крае. Скоро во всех пограничных со степью городах: Оренбурге, Троицке, Петропавловске и Семипалатинске, поселились целые массы торговцев — мусульман (татар, бухарцев, ташкентцев и друг.); а с ними появились в означенных городах мечети, мусульманские школы и множество мулл, ахунов, ходжей и т. п. В особенности мусульманская пропаганда продолжала проникать со стороны Средней Азии. Не только ходжи, но даже беглецы из ханств, находиди радушный прием в аулах киргизов и проповедовали о ненависти к гяурам-русским. В орде скрывалось множество и наших беглых татар, выдававших себя за бухарских торговцев, или за имамов. Будучи по развитию своему, выше киргизов и гораздо более их фанатичны, среднеазиатцы и татары легко делались учителями степного народа в вере и в преподавании грамоты. В начале пятидесятых годов один из беглых русских татар, Мухамед-Шериф Мансуров, прибыв из Ташкента в Кокчетавский округ и выдав себя за имама (святого), начал проповедовать не тайно, но явно, завел мюридов (учеников) и произвел довольно сильное движение в народе; к счастью, он скоро был захвачен; подобный же проповедник появлялся потом и в Аягузском (ныне Сергиопольском) округе. Для ограничения хотя сколько-нибудь такой пропаганды, правительство нашлось наконец вынужденным воспретить 288избрание киргизами мулл из татар, башкир и среднеазиатцев и преследовать вообще лиц, самовольно без определенных занятий, проживающих в степи. Но возможно ли уследить за проживанием таких лиц в аулах, кочующих по обширному пространству, когда цель пребывания в них легко прикрыть торговыми причинами. С постепенным переселением русских поселений в Западной Сибири вглубь степи, доступ пропаганде еще более облегчился. При всех местопребываниях местных окружных приказов также основались колонии торговцев-мусульман, в главных торговых пунктах степи, в гг. Акмолинске, Копале, Верном. Колонии эти по численности скоро стали весьма значительными. При всех таких пунктах построились беспрепятственно мечети. Затем появились мечети среди самих кочевьев киргизов на некоторых их зимовках. Таким образом умиротворение степи, развитие в ней торговли, увеличение оседлости, столь благодетельной в других отношениях, все это повело вместе с тем невольно к усилению и мусульманской пропаганды среди киргизов. В Оренбургской степи, где русских поселений, кроме небольших казачьих выселков при укреплениях Оренбургском и Уральском, нет, и где вообще страна менее замирена, магометанская пропаганда укрепилась слабее. Здесь до сих пор внутри степи нет мечетей, до сих пор еще нет утвержденных правительством мулл. Постройка мечетей здесь сдерживается, 288не смотря на просьбы киргизов; но, однако же, и в Оренбургской степи начали появляться магометанские молельни в некоторых частных жилищах, или под видом памятников над могилами умерших богатых киргизов. Хотя в Оренбургской степи нет указанных мулл, но зато всякий грамотный и сведущий в коране киргиз или татарин носит название муллы, руководит в совершении молитв и занимается обучением детей. В бытность Комиссии в этой степи, киргизы прямо заявляли о необходимости разрешения им свободной постройки мечетей, выбора мулл и путешествия в Мекку, при чем фанатическое настроение обнаружилось

более других со стороны старшин средней части Оренбургских киргизов, ближайшей к Оренбургу. В Сибирской степи развитие магометанства между киргизами гораздо значительнее. По сведениям, собранным Коммисиею, во время объезда этой степи, состояние магометанства здесь выражается следующими данными... [по всем округам]... мечетей 32, указных мулл 288 40. Из этого числа 15 мечетей находятся в городах и селениях, а 17 в волостях киргизов. Сверх того в городах: Сергиополе, Копале и Верном (перечисленных ныне в Туркестанский Военный Округ) в 1865 году было в каждом по одной мечети и при них указные муллы. При всех мечетях устроены мусульманские школы, где мальчики обучаются татарской грамоте и правилам корана. Кроме указных мулл, во всякой почти волости находятся неуказные муллы и сверх того неограниченное число грамотных киргизов, татар, ташкентцев и ходжей, исполняющих должность мулл и обучающих детей. Особенно много ходжей и азиатских выходцев находится в округах: Баян-аульском, Кокбектинском и Какаралинском. Большинство мечетей и школ при них выстроено инициативой и пожертвованиями пришлого элемента в степи, торгового класса среднеазиатцами и татарами, с ограниченным участием киргизов. Русское начальство, в видах политических, само содействовала постройке мечетей при окружных приказах и покровительствовало подписке и пожертвованиям на этот предмет от киргизов, даже отдаленных от мест постройки мечетей. В городе же Семипалатинске, центре областного управления, число мечетей (8), сравнительно с местным мусульманским населением (около 3000 душ) поразительно велико. Нельзя не сказать, что веротерпимость наша зашла здесь, быть может, уже за пределы наших выгод. Одни эти данные показывают, что магометанство Киргизской степи, под русским владычеством, постепенно возрастает. Но, чтобы не преувеличить значения этого факта, надо прибавить, что характер киргизского народа, во всей его массе, и в настоящее время, немного еще поддавался мусульманскому духу; еще до сих пор особого рвения к закону Магомеда в массе не замечается, мечети мало посещаются; правила веры большинству до сих пор плохо известны; нелюбовь к татарам и особенно к башкирам еще очень заметна; вмешательство духовных лиц в семейные дела встречает почти всегда неудовольствие со стороны народа. Словом, надо было иметь в степи именно равнодушие киргизов к вере, их нефанатический характер, чтоб под двойным действием пропаганды из наших пределов и из Средней Азии, состояние магометанства ограничилось у них пока только вышеприведенными фактами. Еще далеко до полного обращения киргизов в мусульманство; главною тому причиною кочевой быт народа. Но нельзя не предвидеть, что если оставить дело в таком положении, то магометанство, проникшее уже в самую глубь степи, окажет наконец свое действие, — и киргизы, ныне далеко не фанатичный, приведены будут к общему типу мусульманских народов, со всеми их отличительными чертами: изуверством, фанатизмом и отчуждением от цивилизованных народов. В настоящее время еще не поздно принять меры для предупреждения такого результата ограничением дальнейшего развития исламизма в степи. Это тем более необходимо, что киргизский народ, по своему положению между массами мусульман внутренних наших губерний и массами их в середине Азии, может или соединить все эти части в сплошную единоверную территорию, или, напротив, при ослаблении или ослаблении в нем исламизма, разъединить их навсегда. Следовательно, вопрос о магометанстве в Киргизской степи имеет для России особую политическую важность. В прошлом году Оренбургский Генерал-Губернатор, Генерал-Адъютант Крыжановский, обращал уже внимание правительства на этот вопрос. Во всеподданнейшем отчете по вверенному ему краю, он доносил: вС передвижением границы нашей вглубь Средней Азии, все необозримое пространство от Казани до хребта Тянь-Шаня представляет вид страны, заселенной непрерывно несколькими миллионами мусульман, которые по догматам своего вероисповедания, видят в нас, христианах, своих естественных врагов. В Башкирах уже вполне укоренился исламизм, фанатический до изуверства, и их муллы приняли на себя роль пропагандистов в среде киргизов. Если благовременными мерами не остановить их действий, можно быть уверенным, что киргизы, бывшие в религиозном отношении так равнодушны, в скором времени заразятся тем же духом нетерпимости и фанатизма. По мнению Коммисии, казалось бы возможным в настоящее время безотлагательно произвести следующие преобразования в управлении духовными делами киргизов: 1) Необходимо упразднить связь, существующую в управлении духовными делами киргизов с духовным управлением татар и башкир. На основании ныне действующего закона (Св. Зак. т. XI ч. 1 кн. 5) духовные дела киргизов и все их духовенство вверено заведыванию Оренбургского Магометанского Духовного Соборания, учрежденного в г. Уфе. Председатель этого соборания, Оренбургский муфтий (по силе статьи 1229), есть духовный глава магометан, принадлежащих к округу этого соборания; в пределы же этого округа включены магометане всех губерний, за исключением Западных, Таврической и Закавказского края, то есть — магометане всей восточной половины России, со включением, значит, и киргизов. Не входя в разбор вопроса, на сколько удобно поддерживать подобный порядок духовного управления мусульманским населением в других частях Империи, Коммисия не может не обратить внимания на невыгоды такого порядка относительно собственно Киргизских степей. Киргизы издавна имели весьма мало общего с татарами и особенно башкирами; напротив, они выказывали к ним всегда более или менее сильную неприязнь; мы видели ныне, что связь этих народностей в духовном отношении произведена самим же правительством искусственно, на что оно имело, в свое время, важные причины. Впоследствии, при введении порядка в управлении мусульманами в России, связь эта организована была законом в правильное подчинение киргизов одному духовному учреждению с Уфой и Казанью. Подчинение это в Оренбургской, вследствие неимения там указных мулл и по другим причинам, осталось пока еще номинальным. Но в Сибирской степи, вследствие вышеприведенного закона, установились довольно частые сношения с Уфой по духовным делам; здесь определен также порядок, по которому

избранный киргизским обществом в муллы, должен, для предварительного испытания в знании мусульманского закона, отправляться в г. Уфу, держать там экзамен и получить удовлетворительное свидетельство. Таким образом пропаганда из Уфы может иметь вид законного наблюдения за вероучением у киргизов. Киргизы, не имевшие никакого понятия о духовной иерархии, в силу закона приобрели в Оренбургском муфтие — главу духовенства. Воссоединение киргизов с татарами духовною, так сказать, связью не может быть полезно для России. Посылка избранных в муллы лиц производится обществами на свой счет; при дальности расстояния до Уфы при других расходах, она ведет нередко к весьма значительным издержкам; были даже случаи жалоб на такой порядок, при чем испрашивалось позволение не посылать мулл в Уфу, а испытывать их, если нужно, Областных Правлениях. При объезде степей, Комиссия также получала заявления в том же роде. Во внимание ко всем вышеизложенным обстоятельствам и для облегчения самих же киргизов, необходимо изъять их, духовном отношении, из ведения Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 2) Местное управление духовными делами кирги зов казалось бы более удобным установит на следующих основаниях: Заведывание духовными делами предоставить местным муллам, с подчинением их общему местному гражданскому управлению и чрез него Министерству Внутренних Дел. Особой административной организации местному киргизскому духовенству придавать нет надобности, т. е. не зачем назначать ни областных, ни уездных мулл. Строгая иерархическая градация в иноверческих духовенствах, в видах большого порядка в духовном управлении, может повести к усилению их влияния и в других отношениях; при том в киргизской степи она не вызывается местной потребностью и обстоятельствами. Все муллы должны быть равны между собою и самое название указных мулл, существующее в Западной Сибири, необходимо отменить, так как других, не утвержденных нашей властью, мулл не должно быть. 3) Предоставив выбор духовных лиц самим обществам, необходимо установить избрание мулл только из киргизов. Татары, башкиры и среднеазиатцы, как доказал опыт, не могут быть полезными орудиями нашего правительства и влияние их может развить в степном народе только фанатизм и отчуждение от русских. Киргиз, по самой своей более свежей и добродушной натуре, никогда не может быть столь вреден на месте муллы, как татарин или бухарец. 4) Избрание на должность муллы казалось бы возможным не обуславливать необходимостью предварительного испытания в знании магометанского закона. Правительству нашему незачем хлопотать, чтобы муллы были знатоками шариата и корана; для него необходима только благонадежность избранных лиц в гражданском отношении, а в этом смысле экзамены едва ли могут представить какое-либо ручательство. Предоставляя обществам самим судить о годности избранных им мулл, правительство сохраняет за собою утверждение и смену их, и местные власти всегда будут иметь средства, при надлежащем надзоре, предупредить, или прекратить уклонение деятельности мулл в невыгодную для наших интересов сторону. 5) Необходимо установить какую-нибудь норму для числа мулл и мечетей в степных обществах. В этом отношении в настоящее время не принято определенных мер. Мы видели, что в Оренбургской степи излишнее стеснение в постройке мечетей и в избрании мулл порождает уже некоторый ропот, а в Сибирской есть округа, в которых имеется по несколько мулл на одну волость. Определение нормы необходимо еще потому, что как содержание мечетей и мулл должно падать на счет общества, то излишнее их число поведет к обременению киргизов сборами. Если определить законом слишком ограниченное число мулл, напр.: на целый уезд не более одного муллы, то это может придать уездному мулле слишком большое значение; при невозможности ему одному исполнять духовные свои обязанности по всему уезду, он непременно изберет себе помощников, которые и заменят местных мулл, а он явится над ними старшим, т. е. указным муллою. Казалось бы удобнее всего разрешить избрание мулл, по мере поступления настоятельных о том просьб, киргизским обществам в составе не менее одной волости и утверждение их предоставить Областному Правлению. Возведение мечетей необходимо обусловить дозволением Генерал-Губернатора; число этих молелен, разумеется, ни в каком случае, не должно превышать норму строгой и действительной в них необходимости для местного населения. Недосмотр в этом отношении в г. Семипалатинске привел к странному факту, что этот город, существующий всего с прошлого столетия, наполнен несоразмерным с его мусульманским населением числом мечетей. 6) Обязанности мулл необходимо ограничить тесною сферою религиозного служения, исполнением только треб мусульманского исповедания. В этом отношении законодательством нашим сдлана весьма важная погрешность предоставлением муллам решения дел о браках и разводах, участия в разборе исков по завещаниям и разделам имуществ и вообще в семейных делах. У киргизов, по их давним обычаям, брак есть чисто гражданская сделка; все семейные дела их издавна решались полюбовно, влиянием старших, или судом биев, недоразумениях же киргизы прибегают не к муллам, а к русской власти. Как силен этот укоренившийся обычай, видно из того, что на невмешательство мулл в семейные дела составлялись киргизами общественные приговоры, которые хранятся в делах Областного Правления Сибирских киргизов. По примеру других духовных лиц, на мулл возложена законом также обязанность ведения метрических книг: о родившихся, умерших и бракосочетавшихся. По роду жизни киргизов, разборанности их кочевьев, обязанность эта едва ли возможна для точного исполнения, и все сведения, доставленные муллами по этим предметам Приказам, всегда были гадательны. Но однако же, так как муллы могут все-таки хоть отчасти полезны своими сведениями в этом отношении для местного гражданского управления, то казалось бы сообразным на первое время не освобождать мулл от таковой обязанности, впредь до приискания других, более точных средств счисления киргизского народа, например помощью раскладочных аульных книг и т. п. 7) Необходимо принять меры к отделению, насколько возможно, обучения от религии и к направлению этого обучения в выгодную для России сторону. По самой мусуль-

манской религии духовная часть у магометан всегда соединена с обучением народа; все училища у них духовные, вся грамота начинается с Корана. В Киргизской степи то же явление. Выше было уже упомянуто, что при всякой мечети в степи устроена непременно школа, хотя в малом размере. Все муллы, как указные, так и неуказные, и множество разных других лиц, попавших в степь по самым разнообразным причинам, для приобретения себе средств существования или по рвению к вере, занимаются обучением киргизских детей; почти в каждом ауле есть такие грамотеи, особенно в местах близких к оседлым пунктам. Разумеется, при невежестве самих учителей, обучение это не ведет далеко в познаниях даже татарской грамоты; но в религиозном отношении оно постепенно ведет к усилению магометанства в степи. Факт существования в аулах значительного числа кочевых школ громко говорит о том, что киргизы хорошо понимают необходимость учения и за неимением других средств, учатся у мулл и у кого попало. Киргизы посылают детей своих и в сторонние школы, в Башкирию, степные города и казачьи селения, в которых имеются школы или муллы; отдают довольно охотно детей своих и в казенные школы, для киргизов существующие в Оренбургской степи и в городе Омске. Киргизы вообще охотно учатся и русскому языку. Таким благоприятным настроением киргизов надо воспользоваться и в видах парализирования исламизма в степи, чрез распространение образования и отвлечения киргизского юношества от их домашних невежественных мулл, умножить число русских школ в степи. Кроме того казалось бы возможным открытие школ при мечетях разрешить не иначе, как с непременным условием обучения в них и русскому языку. В отношении же обучения по аулам едва ли возможно принять какие либо меры ограничения: все, что только можно здесь сделать, это следить строже, чем ныне, за пребыванием имамов и ходжей, приезжающих из Средней Азии и татарских пришельцев; не позволять им образовывать между киргизами дервишеских и мистических обществ, какие напр. существуют, по слухам, в Баян-Аульском и Каркаралинском округах. Все эти меры, нет сомнения, в состоянии принести благие результаты. Не воздвигая не только гонения мусульманской веры в степи, что не может быть целью нашего правительства, не вводя даже особо крутых реформ, они могут дать возможность приостановить распространение исламизма в степи. Но меры эти все-таки пассивные; в виду наступательных действий мусульманской пропаганды, они недостаточны; необходимо более решительное средство, могущее одно с успехом одержать верх над мусульманством; это средство есть распространение в степи между киргизами христианства. В последующей статье Комиссия пояснит, что и для осуществления этой последней, важнейшей меры, имеются в Киргизской степи благоприятные условия. О распространении христианства в Киргизских степях Высочайше утвержденною программю, между прочим, вменено Комиссии в обязанность представить соображения: впри каких условиях и обстоятельствах могло бы быть приступлено к распространению в киргизских степях христианства, не возбуждая тем волнений и неудовольствия? с Этот важный вопрос уже не раз возникал относительно киргизских степей и в прежнее время; но тогда степи были неустроены и мало спокойны; при одном слухе об этой мере легкомысленный киргизский народ мог отшатнуться от нас в открытую южную сторону, к единорным средне-азиатским ханствам, как отшатнулись в прошлом столетии калмыки от ложного слуха о рекрутчине. Поэтому неудивительно, что все предложения и попытки по введению христианства в степях были постоянно отклоняемы. Впрочем попыток таких было немного. В 1819 году иностранные миссионеры, Шотландцы, намеревались было распространить свою деятельность на киргизов. Небольшое число их, потерпев неудачу на Кавказе, перенеслось в г. Оренбург, завело на дарованном им правительством участке земли свою усадьбу; но, прожив несколько лет безуспешно и здесь, в 1825 году выселилось, и казна принуждена была, из сожаления к ним, взять их постройки за 7 т. руб. сер. В тридцатых годах, в Сибирском ведомстве, Архимандрит Макарий, действовавший потом в Алтайской миссии, просил позволения проникнуть в киргизскую степь для проповеди Слова Божия, но предложение его было отклонено местным начальством, и последующие события вполне подтвердили справедливость этой осторожности. Начавшиеся скоро потом продолжительные волнения в степях, столь известные Кенисарийские смуты, доказали всю необходимость крайней предусмотрительности относительно киргизов, даже в административных мерах. Такое же дело, как распространение христианства, требовало особо-благоприятных обстоятельств, или, по крайней мере, полного замирения степей и установления в них административного порядка. Отсутствие же таких условий было причиною, что когда организованы были миссии для обращения язычников, в Сибири Алтайская, и в Оренбургском крае для Тептерей, то действия этих миссий на киргизов не распространены. — В 1864 году, когда степи пользовались полнейшим спокойствием, а в Сибирском ведомстве и твердою администрациею, явилось опять предложение от частного лица: Екатеринбургский гражданин Пшеничников ходатайствовал, чрез С-Петербургского и Новгородского Митрополита, об основании миссии для киргизов в г. Петропавловске, но и эта последняя попытка была отклонена Генерал-Губернатором Западной Сибири, Генералом Дюгамелем. Таким образом, киргизские степи, не смотря на более нежели столетнюю принадлежность России, представляют до сих пор нетронутое поле для дела христианства. Быть может, этот вопрос еще долго оставался бы без разрешения, еслиб последние события на юге степей не придали ему большую вероятность успеха, измени в совершенно положение степей. С завоеванием нами части Средней Азии, степи сделались уже внутренними областями России; киргизский народ, охваченный повсюду нашими владениями, должен теперь предаться исключительно мирным занятиям и волей неволей подчиниться действию наших цивилизующих начал. При таких новых обстоятельствах, в ряду множества вопросов, возникших по гражданскому устройству киргизов, невольно рождается вопрос и относительно религиозной стороны этого народа: не настало ли теперь время для начала распространения христианства между киргизами? Для ответа на этот вопрос недостаточно еще сослаться на

одно изменившееся, в благоприятную для нас сторону, положение степей; надо показать данные, самые факты из жизни киргизов, по которым можно было бы удостовериться в степени вероятности успеха в степях дела христианства. В этом отношении Комиссия может представить следующие данные: 1) Исследование состояния киргизского народа в религиозном отношении обнаруживает, что киргизы в мусульманской вере до сих пор еще не тверды. Не смотря на усилившуюся пропаганду в степи, ислам не успел еще вполне охватить жизнь киргизов, подвести их под общий тип мусульманских народов, которые живут, думают и чувствуют, руководствуясь правилами корана. (Степень их религиозности мы пояснили в предыдущей статье). Этот важный факт показывает, что главнейшие препятствия делу христианства может встретить не со стороны самого киргизского народа, но со стороны лиц, пропагандирующих ислам, — элемента, как мы видели большею частью пришлого: татар, средне-азиатцев и др., которые занимают у киргизов должности мулл и учителей. 2) Вследствие слабости мусульманства, киргизы не обнаруживают до сих пор относительно нас, русских, никакого фанатизма и отчуждения. Напротив, при своем приветливом, гостеприимном характере, они охотно вступают с нами в сношения, не смотря даже на то, что нередко действия степного приказного чиновничества и казачества могли произвести на них неприятное впечатление. У прилинейных киргизов последствия такого сближения заметны уже в образе жизни: они начали строить дома, заводить телеги и т. п., а в религиозном отношении они не выказывают ненависти и отвращения; в особенности это заметно у киргизов, живущих в близком соседстве и частых сношениях с русскими. По свидетельству лиц, хорошо знающих ордынцев, в том числе одного просвещенного священника, 288 бывали случаи, что некоторые из киргизов ставили свечи св. Чудотворцу Николаю; другие брали у русских святую воду и кропили ею свой скот во время падежа и т. п. Как ни незначительны эти факты, но они показывают ясно отсутствие неблагоприятного настроения у киргизского народа к нашей вере. 3) Не смотря на то, что в обеих степях Оренбургского и Сибирского ведомств никаких мер для обращения киргизов в православие не принималось, и дело христианства предоставлено было естественному ходу обстоятельств, лучше сказать — случаю все таки ежегодно небольшая часть киргизов обращается к Христовой вере. Это и неудивительно: близкое соседство христиан, охвативших своими поселениями сначала только северную границу степей, а потом проникших вглубь их, должно было оказать свое действие. Разумеется, при отсутствии каких-либо мер покровительства христианской проповеди, случаи обращения киргизов не могли быть часты и многочисленны, и оттого все число крестившихся весьма незначительно; но факт, что принятие киргизами нашей веры случается ежегодно, весьма многозначителен. Что явление это происходило и в прежнее время, доказывает существование таких прилинейных станиц как Ямышевская и др., где в числе жителей много находится крестившихся киргизов. Число восприявших крещение [Оренбургских киргизов за период с 1855 по 1864 год было]... — 127 человек; из них мужского пола 102, женского 25 человек; среднее число в год 13 человек. В области Сибирских киргизов [за период с 1860 по 1864 год приняли крещение]... 109 человек; из них мужского пола 82, женского 27 человек, среднее число в год 22 человека. Принимая в соображение, что в Семипалатинской области [сведений о крестившихся в которой не были предоставлены], судя по числу оседлых пунктов, соседних с киргизами, цифра крестившихся была не менее, чем в области Сибирских киргизов, т. е. примерно 22 человек в год, выходит, что в то время, когда в Оренбургском ведомстве, при колонизации, существующей только по окраине степи, обращается в православие 13 человек в год, в Сибирском ведомстве, при более развитой колонизации степи, около 44 человек в год, а во всех степях обоих ведомств около 57 человек в год. Разумеется, эта цифра, 57 человек в год, относительно более нежели полуторамиллионного населения степей, совершенно ничтожна, но она все-таки свидетельствует о действии христианства на киргизов, живущих около русски; она явно указывает на возможность успеха нашей веры, если только обращено будет на это должное внимание. Из нее видно также, что оставлять дело христианства в степи в нынешнем положении невозможно; ибо, в то время, когда христианство будет ежегодно приобретать крестившихся из киргизов 57, или даже пусть 100, 200 человек, в то же время число киргизов, от естественного размножения (полагая приращение от 0,5 до 1 %) будет увеличиваться 8 или 15 тысячами душ мусульман. При таких фактах возможно ли долее откладывать дело распространения христианской веры в киргизских степях? Правительство отклоняло до сих пор меры по введению христианства в степи, из опасения возбудить тем волнения и неудовольствия в среде киргизов. Но в настоящее время опасение это едва-ли может иметь место, ибо спокойствие в степях обеспечено и наше положение в них теперь твердо; а в то же время коран не успел еще проникнуть вполне в жизнь киргизов. Присоединив громадные пространства, населенные иноверными народами, Россия не может не стремиться к их объединению. Россия должна исполнить одну из задач, выпавших на долю русского народа, заключающуюся в просвещении Востока. Это её историческое право, которого не смеют у нее оспаривать даже западные враги. И чем дольше отсрочиваться будет время действия, тем труднее будет впоследствии начать, так как в это время ислам успеет вполне укорениться. О необходимости распространения христианства в степях есть заявление даже одного из членов самого киргизского народа. Умерший в 1865 году, Ротмистр Чокан Валиханов, сын бывшего Кокчетавского старшего султана, известный своим путешествием в Кашгарию и образованием, в одной из своих неизданных записок (о мусульманстве в степи) говорит: «Мы (киргизы) далеки от того, чтобы советовать русскому правительству вводить в степь христианство каким бы то ни было энергическим путем, точно также не предлагаем ему преследовать ислам; подобные крутые меры ведут всегда к противным результатам; но мы просим, требуем, чтобы правительство не покровительствовало религии, враждебной всякому знанию. Ислам, — говорит он, — не может помогать русскому и всякому другому христианскому прави-

тельству. Что может ожидать свежая, восприимчивая киргизская народность от татарского просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мысли и чувства. Мы должнв, во что бы то ни стало, обойти татарский народ и правительство должно нам в этом помочь. В мусульманстве мы видим свою гибель. Мы надеемся и верим, что народы монгольского типа, к числу которых принадлежим и мы, способны к полному восприятию европейской культуры. С такою мыслию жил и умер этот лучший представитель далеких степей и киргизского народа. Кроме этого важного заявления, Коммисия может сослаться также на мнение одного из главных начальников, которым подчинена степь. Оренбургский Генерал-Губернатор, Генерал-Адъютант Крыжановский, во всеподданнейшем отчете, за 1866 г., в числе мер, необходимых для прекращения развития исламизма в степи, доказывал необходимость принятия мер к распространению здесь христианства. Опираясь на эти важные мнения и на вышеизложенные данные, можно смело сказать, что настоящее время вполне удобно для начала введения христианства в степи и что откладывать долее это благое дело будет только напрасною тратою времени. Опыт веков доказал, что лучшее средство для распространения христианства есть миссионерская деятельность. Поэтому, основание особого миссионерского общества для киргизских степей должно быть первой мерой правительства в этом отношении. В прежнее время христианская проповедь, не только у нас, но и за границей, составляла преимущественно удел духовного сословия. Но впоследствии, в большей части стран Западной Европы признано было полезным призвать на это дело и светских лиц, чувствующих призвание к этой деятельности; нашлись там люди, радушно отозвавшиеся на это дело; образовались целые общества: миссионерские, библейские и др.; собрались большие капиталы из частных пожертвований, и правительства, с своей стороны, начали отпускать значительные суммы на этот предмет. При помощи таких средств, при предприимчивости и энергии миссионеров, католическая и протестанская пропаганды сделали большие успехи даже в отдаленных странах. В последнее время и у нас явилась подобная же деятельность, и у нас основались такие же общества, которые под покровительством Августейших Особ, в короткое время достигли блестящих результатов, напр., на Кавказе. Одно из таких обществ, находящееся под особым покровительством ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, имеет главною целью распространение христианства на востоке России; в уставе его, представленном правительству, предполагается распространить действия его и на киргизов. Вышеприведенные соображения доказывают, что теперь в степях уже имеются благоприятные условия, чтобы не откладывать более этого святого дела. А потому, общество оказало бы благодеяние, открыв свою деятельность и в киргизских степях. Быть может было бы еще лучше, еслибы для обширных степей, с их многочисленным населением, составилось бы даже особое миссионерское общество; но это, разумеется, будет зависеть от средств и от степени участия в деле всего русского общества; бывшие примеры доказывают, что в этом сочувствии нельзя сомневаться, особенно в виду такой важной для России цели, как обращение в христианствомногочисленного и способного киргизского народа. Переходя затем к другим подробностям, Коммисия долгом своим считает обратить внимание на особые местные условия, которые, казалось бы, необходимо иметь в виду для большего успеха миссионерства: 1) Так как дело распространения христианства требует в степях особой осторожности, а деятельность официально-духовных лиц может обнаружить киргизам цель правительства, то казалось бы удобнее, чтобы миссионеры в степи избраны были не исключительно из духовных ли, но из частных, которым всегда будет легче иметь доступ в аулы, под видом торговцев, лекарей, или учителей. В этом отношении особенно полезна была бы медицинская практика, ибо болезненность сильно распространена между киргизами: горячка, тиф, оспа и другие, беспощадно истребляют киргизское население; а положение их женщин-родильниц совершенно безотраднo; вообще, степь представляет широкое поле для миссионеров-лекарей и повивальных бабок; сим последним еще легче можно проникнуть в киргизские семейства. Само собою разумеется, что, для успеха дела, миссионеры должны выучиться киргизскому языку, который не представляет особой трудности. Большую пользу принесло бы также распространение книг Нового и Ветхого Завета и вообще духовного содержания, переведенных на киргизский или татарский язык: чтение их может приготовить почву для веры. Коммисия имела счастливый случай убедиться в этом, застав раз татар за чтением Евангелия на их языке. Книга эта попала им в руки из числа розданных Тобольским епархиальным начальством арестантам из татар. Вообще, для миссионерской деятельности киргизские степи представляют обширное поприще. Действуя осторожно, без насилия и соблазна, силою убеждения, миссионерство, нет сомнения, не возбудит волнений в степи, особенно в то время, когда и в административном отношении страны эти получают ныне прочную, сильную организацию. 2) Для успеха христианства в степи необходимо устранение в законах формальностей по причислению киргизов, восприявших крещение к христианским обществам, и притом надо обратить внимание на устройство быта крестившихся. Законом нашим установлено правило приписывать крестившихся иноверцев к обществам мещан и крестьян, с целию, вероятно, предупредить этим возврат к прежней вере. В Сибирском Положении разрешено, впрочем, оставлять киргизов и в прежнем состоянии, но на деле все-таки большая часть крещенных приписывали в мещане или казаки. В Оренбургском ведомстве, в шестидесятих годах, возник даже целый вопрос о порядке выдачи билетов на жительство крестившимся киргизам до приписки их к обществам; при этом обнаружилось, что, вследствие бывшего тогда порядка, принявшие христианство терпели крайнее стеснение, подвергались иногда заключению и пересылались как арестанты. В 1865 году облегчены правила выдачи таким лицам билетов; но этого еще недостаточно. Необходимо дозволить крестившимся оставаться в прежних обществах и состояниях, предоставляя им при этом право занимать кочевки около русских поселений, и только при добровольном желании перейти к оседлой жизни, приписывать

их к русским обществам. Такая мера, по всей вероятности, принесет благие результаты, ибо до сих пор киргизы думали, что сделаться христианином, значит будто бы непременно сделаться мещанином или казаком. При новом порядке не потребуется даже выдачи каких-либо билетов новокрещенным, а все ограничится простым перечислением их из одного места в другое. В отношении быта крестившихся надо обратить внимание на вопрос о нерасторжении браков при принятии христианства одною из сторон. Между киргизами многоженство не сильно распространено; большинство из них живет при одной жене; следовательно, вопрос здесь не так сложен, как кажется с первого взгляда. Духовное начальство оказало бы благодеяние для степей рассмотрением этого вопроса; если здесь не будет возможно положительное решение, то по крайней мере полезно было бы не строго преследовать это правило в степи для большого успеха самой Святой Веры. 3) Необходимо установить строгое наблюдение за безопасностью крестившихся. Недостаток энергии в этом отношении (как, напр., было относительно еврейских обществ) и вследствие того боязнь мщения прежних единоверцев может сильно влиять на успех христианства. В судебной части Положения Коммиссия проектировала строгие наказания за убийство крестившихся киргизов. 4) В деле христианства будут без сомнения полезны и местные приходские священники, на обязанности которых лежит утверждение крестившихся в правилах веры и наблюдение за несовращением их опять в магометанство. Комиссия долгом считает обратить внимание на положение нашего духовенства в степи в материальном отношении. Не говоря уже о невыгодах жизни в глуши степей, без средств воспитания детей и т. п., обстановка его сдувается неудовлетворительною особенно теперь, когда, с предстоящим преобразованием гражданского управления в степи, содержание всех служащих там будет, по всей вероятности, увеличено. Более значительное обеспечение степных православных священников даст возможность привлекать туда людей развитых, проникнутых своим высоким назначением и поддержит уважение к ним в глазах ордынцев, привыкших ценить людей по их материальному достатку. 5) Наконец, необходимо усилить надзор за управлением духовной частию в степи. В настоящее время степь Оренбургского ведомства причислена к Оренбургской епархии, духовное управление которой находится в г. Оренбурге, на границе степи; в Сибирском же ведомстве: область Сибирских киргизов причислена к Тобольской епархии, а область Семипалатинская — к Томской. В прежнее время, когда колонизация степи не была столь развита, как теперь, такое положение соответствовало обстоятельствам; но, с поселением внутри степи значительного русского и в особенности, с предполагаемым открытием миссионерской деятельности, необходимо основать для степи или особую епархию, или, по крайней мере, назначить викариев в г. Омск (для областей Сибирского ведомства) и в г. Верный (для областей Туркестанского края). В нынешних же пределах Сибирских епархий едва-ли возможно близко надзирать за духовным управлением в степи. Но, без сомнения, мера эта подлежит более компетентному обсуждению духовного начальства.